

АЛЕКСАНДР "КОТОБУС" ГОРБОВ

КНИГА ПЯТНИЧНЫХ
РАССКАЗЯВОК
ЗЕЛЕНЬЙ ТОМ

Александр «Котобус» Горбов

Книга пятничных рассказывок. Зеленый том

Текст предоставлен правообладателем
2022

Аннотация

Где достать нано-котиков? С кем драконы делают селфи? Как познакомиться с марсианкой? Кто живет в таинственном Маулине? Откуда за МКАДом взялись псоглавцы? Об этом и о других смешных и забавных вещах здесь. Истории для хорошего настроения. Книга используется для лечения уныния и грусти. Осторожно – соблюдайте дозировку!

Содержание

Люди бездны	4
Журчащая ночь	7
Чебуреки	11
Фамильный симпозиум	16
Командировка	19
Селфи	24
Разница восприятия	26
Что?!	31
Котики, которые всегда с тобой	33
Одинокая марсианка желает познакомиться	37
Коуч	40
Трудная работа	43
Деньгожор	45
Дежурные добра	52
За жизнь	56
Бука и Бяка. Сказка про левый носочек	59
Код Барашкина	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр «Котобус» Горбов Книга пятничных рассказывок. Зеленый том

Люди бездны

*«Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.»*

Жили-были русские. Обычный, в общем-то, народ. Плодились, сеяли хлеб, воевали. И чёрт их дернул выглянуть за Уральские горы.

– Ага! – сказали русские, вглядываясь в бездну пространства.

– Угу, – тихонько ответила Бездна, вглядываясь в русских.

– Ё! – сказали русские, почесали в затылке и залезли с ногами в Бездну, которую для ясности обозвали Сибирью.

Бездна булькнула и чуть-чуть перелилась к русским, вызвав Смутное время. Русские притормозили, навели порядок и снова пошли в Сибирь. Да так увлеклись, что забрели аж в Америку. Но быстро опомнились – как-то нехорошо, когда у

тебя Бездна американцами заканчивается. И быстро продали лишнее. Уж лучше пусть Тихий океан в конце будет!

Так и бултыхались веками в своей Бездне. Жаловались на дураков и дороги. Хотя чему тут возмущаться? Какие в Бездне дороги? И как сохранить разум, когда вокруг бесконечные пространства и бездорожье?! Вот то-то и оно.

Другие народы с подозрением косились на восточного соседа. Вроде и завидовать нечему, и в то же время есть нечто странное. А вдруг у них там в бездне хорошо? Не зря же они там без дорог живут.

Особо это давило на всяких великих (в кавычках и без) полководцев. Ведь приятно же осознавать себя Захватчиком Бездны! Вот и лезли. Сначала Наполеон. И ведь умный мужик был! Но тут и гений растеряется, когда тебе столицу – «да на, подавись, у нас еще есть». Съела Бездна французов.

Немцы потом тоже поперли. Ну, куда народу Порядка соваться в хаос? Разве сразу не было видно: до Сталинграда им полторы тысячи километров, а от Сталинграда до Камчатки восемь тысяч! Чем думали? Перемололись в труху в русских жерновах.

А потом Циолковский посмотрел вверх, заметил космос и показал остальным русским.

– Ага! – сказали русские, вглядываясь в бездну пространства.

– Угу, – тихонько ответила Бездна, подмигивая старым знакомым.

– Ё! – сказали русские и, почесав в затылке, запустили спутник и Гагарина.

Но тут всё испортили американцы, высадившись на Луне. Русские еще с прошлого раза помнили, что Бездна с ними плохо сочетается. Расстроились. Думали по старой схеме – продать Луну. Да хоть китайцам! Но те, как назло, в космос еще не вышли. Погоревали. Выпили. От огорчения устроили очередное Смутное время (чтобы не путать с первым, обозвали его Перестройкой).

Только американцам бездна не нужна оказалась. А русские... Снова порядок навели. И опять нет-нет да и посматривают в космос. Там ведь холодно, как в Сибири, нет никого, дорог опять же не наблюдается. Родные места практически!

Вот сейчас медленно запрягут да и рванут к звездам. С бубенцами и залихватским свистом, по необъятному космосу. Потому что русские – Люди Бездны. Они тут дома.

P.S. Если долго смотреть в бездну, то из бездны на тебя начинают смотреть русские.

Журчащая ночь

Михалыч страдал. Каждодневно, сжимая зубы и сдерживая ругательства, не смея рассказать о муках даже жене. И всё по одной-единственной причине – из-за своей работы. «Директор общественного туалета» хоть и не значилось в трудовой книжке, но, по сути, так и было. Скажите, как можно жить с таким клеймом? Разве можно сказать это вслух в приличной компании? А дети? Смогут ли они сказать в школе: «У меня папа директор туалета»? Вот то-то и оно. Хотя работу свою Михалыч искренне любил.

Здание, каменное, под старину, с колоннами, досталось ему случайно в самом конце девяностых. Кажется, он выиграл его в карты. Или оно пошло в счёт долга. Михалыч и сам толком не помнил. В общем, здание, почти развалюха, досталось ему почти даром. Увы, под магазин, бар или другое злачное место оно не подходило. А вот восстановить первоначальное назначение было можно. Михалыч взял кредит и с бригадой гастарбайтеров за два месяца превратил развалины в мраморный храм раковин, писсуаров и освежителей воздуха. В центре холла даже устроили фонтан, где плавали золотые рыбки.

Дело неожиданно пошло. А что, место в самом центре, народу много, цена доступная, всегда чисто. Михалыч превратился в солидного бизнесмена с машиной и квартирой. Же-

нился. Но сказать суженой, чем занимается, решился только через пару лет.

В очередной раз, придя на работу, проверив территорию и зайдя в личный кабинет, Михалыч принялся дежурно страдать. И так бы и занимался этим до обеда, если бы не заявился Витёк. Мужичок без возраста, всегда выглядящий с похмелья, совмещающий должность сантехника и менеджера по закупкам.

– Слышь, Михалыч, – Витёк бухнулся в кресло и растекся там киселём, – я тут подумал...

– Думать тут я сижу, – директор недовольно посмотрел на гостя. – Бумагу заказали? Когда привезут?

Витёк махнул рукой, мол, всё путём с вашей бумагой.

– Я вот чё подумал. Надо нам имидж, того, улучшать.

– Ты думай, что говоришь. Какой имидж может быть у сортира?

– Серость ты, Михалыч, несмотря на то, что умный. Имидж можно у чего угодно поднять. Ты политиков видел? Порой смотришь, у нас если не смыть, и то приятнее на вид плавают. А он в министрах сидит.

Михалыч косо посмотрел на умника. Не любил директор туалета политику, считая её делом грязным и неблагодарным.

– Так вот, о чем это я. Ты, Михалыч, про ночь музеев слышал? Ну, когда музеи ночью работают, программы там всякие, выступления.

– Ну?

– Нам тоже надо такое провести. Для поднятия культурного уровня и всё такое.

Директор внимательно осмотрел Витька от потертых кроссовок до кепки красного цвета. Как главврач психбольницы особо выдающегося сумасшедшего.

– Да не бойсь ты. Я тебе точно говорю – очень хорошая идея.

– Ты дурак или прикидываешься? Кто ночью в общественный сортир придет? Даже если тут симфонии исполнять будут.

– Симфоний не обещаю, а вот пару джазовых групп точно будут. Не очень известных, но лабают хорошо.

К вечеру Витёк добил Михалыча, и тот согласился. На общем собрании маленький, но дружный коллектив поддержал идею. Таисия Михайловна, бессменный кассир, обязалась привести несколько поэтов из своего литературного кружка. Лёшка, второй сантехник, обещал поговорить со знакомой рок-группой. А неразговорчивый охранник Сандро заявил, что ради такого дела сам будет играть на домре. Назвать этот импровизированный фестиваль решили «Журчащая ночь». Михалыч покрутил пальцем у виска и махнул рукой. Но денег на безумную затею выделил.

Получилось всё очень мило, немного по-домашнему. Все разошлись довольные: и устроители, и участники. А звезда вечера Сандро ушёл сразу с двумя девицами из поэтического

кружка.

Через месяц Витёк пришёл к Михалычу: общественность требовала повторения фестиваля.

– Людям нравится, – заявил он безапелляционно.

После четвертого проведения «Журчащей ночи» Михалычу позвонил заместитель мэра по культурной работе.

– Не хорошо, – сердито шипела трубка. – Почему такое знаковое культурное событие проходит без участия города? Или ты перед выборами за Тютюнина топишь? Так вот знай, он даже десять процентов не наберёт. Так что давай, мэру приглашение организуй. И время ему в начале выдели для выступления.

Через год Михалыч столкнулся в холле своего заведения с ярко одетой группой, лопочущей на непонятном языке.

– Экскурсия, – шепнула ему Таисия Михайловна, – уже третья на этой неделе. Может, на групповые посещения скидки делать?

Михалыч ушёл в кабинет и впервые в жизни напился до зелёных чертей. Хлестал коньяк прямо из горла, матерился и фломастером жирно выводил на стене: «Директор сортира – это звучит гордо». Но на следующий день был трезв и бодр, как огурчик. Потому что открытие международного фестиваля «Журчащая ночь» – дело ответственное.

Чебуреки

– Замечательно!

Комиссия закончила осмотр космопорта марсианской базы и осталась довольна.

– Работа проделана отлично. Мы с чистой совестью можем выдать вам документ о приемке объекта.

Комендант базы заулыбался, мысленно вытирая пот со лба. Последнюю неделю он спал по два часа, устраняя и переделывая «недочеты и огрехи». И тысячу раз проклял себя за подачу заявки на расширение.

– Пойдите, – председатель комиссии, суровый дядька с залысинами, принял, – чем это у вас тут пахнет?

– Да ничем, вроде.

– Нет, нет. Я точно чувствую... Такой запах... У вас проводка сгорела?

Председатель громко задышал и, как собака, взявшая след, зигзагами пошел по холлу космопорта. Комиссия и сдающая сторона потянулись цепочкой за ним, перешептываясь и вздыхая.

Подозрительный запах привел председателя к четвертому шлюзу.

– Что это? – переходя на ультразвук, взвизгнул он.

– Эм... Это? Ларек.

– Я вижу, что не слон! Вы с дубу рухнули? Что делает

на Марсе, на самой современной базе человечества, ларек с надписью «Чебуречная»?

– Вах! – Из окошка ларька показалось усатое лицо. – Зачем кричишь, дарагой? Сам не видишь? Ты же прочитал – чебуреки делает!

Председатель чуть не затрясся от злости.

– Вы тут с ума посходили? Какие еще чебуреки?

– Слюшай, самые вкусные! – Лицо нагло подмигнуло председателю., – Не кушал ни разу? Я тебе, генацвале, скидка сделаю! Как раз горячий пожарились.

Запах, дразнящий и аппетитный, теперь ощущала вся комиссия. Давно наступивший обед подсказывал чиновникам, что усатый прав и самые вкусные чебуреки делают именно здесь.

Председатель обернулся к коменданту.

– Объясните мне, что в космопорте делает этот... объект общепита? Вы, вообще, подумали о санитарных нормах? А этот жуткий запах!

– Понимаете, – несчастный комендант замялся, как девица на выданье, – так сложилось. Люди прилетают голодные, а организовывать отдельную столовую для них не хватило помещения. А тут нам поступило предложение от Рустама...

– Рустама, значит. Откуда он тут взялся?

– С Орбитальной.

– А туда он как попал?

Комендант молча развел руками.

По громкой связи раздалась трель, оповещающая, что прибыл очередной рейс. Из шлюза повалил народ: ученые в белых комбинезонах, геологи в оранжевых жилетах, несколько пилотов с черными кейсами в руках. И вся толпа ринулась к чебуречной. Усатая голова спряталась в окошке, к которому сразу же образовалась очередь.

– Вай! По два штука буду давать, – раздался глухой голос, – а то всем не хватит.

Председатель пытался подобрать подходящие слова возмущения и упустил момент. Комиссия переглянулась и бодрой рысцой бросилась занимать очередь.

От ларька к столикам в углу зала по одному отходили счастливицы с чебуреками. Золотистые пирожки были похожи на половинки солнца. Очередь быстро уменьшалась, и председатель только глотал ртом воздух, не в силах пережить предательство коллег.

Наконец перед ларьком никого не осталось. В окошке снова показался усатый и призывно замахал рукой. Лишь через минуту председатель сообразил, что загадочный Рустам зовет его. Нацепив на лицо выражение крайнего возмущения, мужчина подошел к ларьку.

– На!

Волосатая рука впихнула председателю в ладонь чебурек, завернутый в салфетку.

– Последний тебе, кацо. Самый вкусный, да!

И окошко захлопнулось.

Председатель почувствовал себя глупо, стоя с чебуреком в руке. Урны, выкинуть угощение, рядом не было. А желудок настойчиво напоминал, что завтрак был тысячу лет назад. Переборов себя, мужчина мужественно откусил.

Сок, много-много мясного сока. Нежное мясо и хрустящее тесто. Они коварно напали на председателя, взяли в плен и обратили в свою веру. Он прожил последние годы зря! Как можно было есть эти жуткие супы из тюбиков? А консервированное мясо? Картон! Сколько обедов, завтраков и ужинов было потрачено впустую на еду из стандартного пайка?

Председатель, отвернувшись, тайком облизал пальцы, вытер рот салфеткой и подозвал к себе коменданта.

– Значит так. Документы я тебе подпишу. Завтра. Когда подготовишь проект типового объекта типа «чебуречная». Согласуем его с лунной базой и добавим в стандартный план космопорта. И еще, обговори со своим этим, Рустамом. Нам нужны подготовленные кадры для работы в них. Пусть поищет среди знакомых.

Окошко открылось снова.

– Подходи, еще чебуреки пожарился!

Председатель хлопнул коменданта по плечу и встал в очередь первым.

Комендант тяжело вздохнул. Выспаться ему не доведется и сегодня. А еще надо было придумать: куда на следующей неделе спрятать «Салон красоты», когда комиссия будет

принимать жилой комплекс.

Фамильный симпозиум

– Добрый вечер, – скромно одетый молодой человек встал и кивнул присутствующим, – моя фамилия Скотинякин.

Видя смущение юноши, сидящие вокруг стола заплодировали, чем вогнали его в краску ещё больше.

– Я впервые на симпозиуме...

– Ничего страшного, – подбодрил его седовласый джентльмен с ужасным акцентом, – я барон фон Скотинофф, если чтой, обращайтесь.

Молодой человек кивнул и продолжил.

– Как и вы, я ужасно страдаю от своей фамилии.

Общество согласно загудело.

– Особенно невыносимо это при общении с девушками. Стоит им узнать фамилию... Их фраза «Так и знала, что ты скотина» стала для меня настоящим кошмаром.

– О-ла-ла! – Итальянец Скотинелли сокрушенно покачал головой. – Это действительно ужасно! Так говорить мужчина – обижать до глубины души.

Юноша кивнул.

– И ведь я не делал им ничего плохого!

– Все они такие, – пророкотал грузный седой старик, – и не только бабы. Я уже тридцать лет держу семью в Нью-Йорке. Мы не продаем наркотики, не торгуем оружием. Всего лишь обеспечиваем безопасность девочек и даем людям

немного делать ставки. Но нет! Каждый норовит сказать, что дон Скотино – скотина.

– Да, да, да! Просто негодяи! Послушайте, – тощий франт вскочил со своего места и заходил вокруг стола, – они говорят, Скотиньяк, мы не дадим тебе делать бренди под маркой «скотиньяк». Это, говорят, позорит французское достоинство. Да как можно? Скотиньяки начали делать его гораздо раньше «коньяков», а теперь нам нельзя!

– Никакого уважения, – японец в строгом костюме покачал головой, – при сёгунах Скотодзаки были уважаемым родом. А теперь? Даже гайдзины шепчутся за спиной, а гейши смотрят свысока.

– Оливки! – Хлопнул ладонью по столу загорелый фермер. – Не хотим, говорят, брать оливки у человека по фамилии Скотинопулус. А вдруг он их, скотина, пестицидами посыпает?

– Вот скажите, как они смеют? – Эффектная девица в сильно декольтированном платье размахивала кулачком. – Скотиняусы всегда были честными людьми, а они? «Срочно замуж и смени фамилию» – да как можно так?

Все ужасно шумели, пытаясь говорить разом. Но тут дверь в зал громко скрипнула, заставив общество замолчать. На пороге стоял очкарик с острой пегой бородкой.

– Простите, это секция «Козловых»?

– Нет, – председатель Скотинюнин покачал головой, – тут секция «Скотиновых». Вам дальше по коридору, третья

дверь слева.

– Спасибо, спасибо, я так и подумал; запах тут у вас специфический, – тип в очках гаденько улыбнулся и тряхнул бородкой. – Всего вам хорошего, скотинушки.

И быстро закрыл за собой дверь. Собрание застыло в тишине, пораженное невообразимым хамством.

– Вот козёл! – совершенно без акцента выразил общую мысль фон Скотинофф.

Командировка

– Это безобразие!

Ангел оторвал взгляд от Большой Книги судеб и с укором посмотрел на душу.

– Не надо кричать.

– Как это не надо? Тут творится такое безобразие, а мне молчать?! Нет уж, я требую пересмотра своего дела.

Крылатый вздохнул, закрыл Книгу и нацепил на нос очки.

– Назовите номер своего райского удостоверения и изложите суть ваших претензий.

– Жэ Пэ сто тридцать восемь триста пятьдесят шесть семьсот двадцать пять Альфа бис.

На столе появилась толстая картонная папка.

– И чем вы недовольны?

– Мне неправильно посчитали стаж! Начислили всего восемнадцать лет, пять месяцев, три дня и семь часов. Ах да, и еще семь минут две секунды. А я, между прочим, почти восемьдесят лет прожил!

– Согласно трудовому кодексу загробного мира, статьям десять и двенадцать, а также пункту седьмому параграфа триста двадцать второго, в стаж для получения райской пенсии входит срок, прожитый в земной жизни с пользой для вселенной, – отбарабанил райский чиновник и поправил очки, – вы должны это знать. Это рассказывают на третьем за-

нятии для новичков.

– Я это знаю. Но посчитали мне его неправильно!

– Хорошо, давайте посмотрим.

Ангел пододвинул к себе папку, открыл и молча погрузился в бумаги. Душа нависла над чиновником и пыталась заглянуть в документы. Но тот отмахивался пушистым крылом и не дал разглядеть даже пару букв.

– Нет, всё верно, – ангел снял очки и протер мягкой тряпочкой, – всё измерено, взвешено и исчислено верно. Никакой ошибки.

– Не может быть! Как такое вообще может быть? Покажите мне, где это я потерял столько времени?

– Хорошо, – ангел раздраженно дернул крылом, – сейчас увидите.

Над столом всплыл радужный шар, зажегся мягким светом и показал младенца.

– Это вы только что родились. С этого момента и до совершеннолетия стаж учитывается полностью, как у недееспособного.

Душа вытащила бумажку и карандаш и принялась записывать. Ангел ткнул в шар пальцем. Изображение понеслось в быстром темпе. Вот ребенок делает первые шаги, вот учится читать, идет в школу, выпускной вечер... Шар неожиданно наполнился темнотой.

– Ой! Что это?

– Вам исполнилось восемнадцать. С этого момента засчи-

тывается только проведенное с пользой время. Бесполезно потраченное шар не покажет.

А темнота стала сменяться короткими отрывками видео.

– Вот вы сдаете кровь. Плюс час. Вот приняли участие в уборке леса от мусора. Плюс два часа.

– Стойте! Я там весь день провел.

– А работали – два часа. Остальное время сачковали и пили пиво.

Душа покраснела.

– Помощь бабушке-соседке занести сумку – плюс пять минут. Тут большой кусок, когда вы были влюблены, – плюс две недели. Ага, вот вы нянчите дочку. Плюс пять недель в сумме....

Ангел продолжал комментировать, а душа строчила циферки на бумажке.

– Приняли самостоятельное решение – десять секунд. Покормили бездомного котенка. Плюс минута двадцать секунд....

Шар снова стал черным, немного повисел над столом и растворился в воздухе.

– И это всё?

Крылатый развел руками.

– А что я делал остальное время? У меня ведь была такая длинная жизнь...

– Вспомните сами. На что вы тратили время? Лежали на диване? Смотрели телевизор? Пили пиво? Ругались с же-

ной? Читали ерунду в интернете? Ржали над дурацкими видяшечками? Вступали в бесполезные споры на форумах? Вам лучше знать, на что вы спустили свою жизнь.

Душа нахмурилась и принялась складывать записанное время в столбик. Получив итоговую сумму, скомкала бумажку и кинула на ближайшее облако.

– А почему посты, которые я держал, не зачлись? Ведь...

– Они приносили пользу только вам, – хмыкнул ангел, – ближним вы не делали в это время ничего хорошего. Наоборот, были раздражительны, местами даже злы.

Душа окончательно скисла. Отлетела от ангела. Зависла на пару минут. Снова вернулась, понурая и притихшая.

– И что, совсем ничего нельзя сделать?

Ангел хмуро закрыл папку с личным делом. Помолчал, теребя в руках серое перо.

– Практически ничего. Только если послать вас на повышение квалификации.

– Это как?

– Обычно. Родитесь заново и постараетесь прожить жизнь с пользой.

Душа насупилась. Оглядела райские кущи вокруг и тяжело вздохнула.

– Хорошо, отправляйте. Я буду помнить хоть что-то?

Ангел покачал головой и подул на душу. Она вспыхнула серебряным огнем, вздрогнула и с нарастающим гулом рухнула сквозь облако. Вниз, на Землю.

Чиновник пододвинул к себе папку с делом, послунывил перо и записал на последней странице:

«Душа номер Жэ Пэ сто тридцать восемь триста пятьдесят шесть семьсот двадцать пять Альфа бис. Направлена в командировку на добровольные курсы повышения квалификации.»

Где-то далеко, на Земле, заплакал новорожденный. Не слишком, знаете ли, приятно, когда командировка начинается со шлепка по попе.

Селфи

В дверь настойчиво постучали.

– Кто там?

– Доставка пиццы!

– А я не заказывал, – дракон отпер дверь и высунулся из пещеры, – вы, наверное, адресом ошиб...

Договорить ящер не смог. Сильная рука, закованная в латы, обхватила его за шею и сдавила горло.

– Ага! Попался, чешуйчатый. Так, не шевелись...

Рыцарь, зажав драконью голову под мышкой, достал телефон.

– Улыбайся!

Яркая вспышка резанула по глазам ящера. Держа телефон на вытянутой руке, незванный гость сделал несколько снимков.

– Отлично, – рыцарь отпустил дракона, – прошу прощения за беспокойство.

И сразу же уткнулся в экран, не обращая внимания на жертву селфи-насилия.

– Обалдел? – Дракон возмущенно фыркнул. – Вот зачем так делать?

– Принцессе покажу, – не отрываясь от телефона, отмахнулся рыцарь, – так, выкладываем. Хэштег сильный мужчина, хэштег дракончик, хэштег мужской клуб...

– Выложил? – Ящер недовольно заглянул человеку через плечо.

– Ага.

– Ну и чудненько, – дракон раскрыл пасть и выпустил на рыцаря струю пламени. Кучка пепла и пустые доспехи осыпались на землю.

– Чудненько! – повторил дракон и вытащил селфи-палку.

Сделав несколько снимков, он стал тыкать когтем в экранчик телефона.

– Хэштег третийрыцарь, хэштег горячийпарень, хэштег мойобед, хэштег...

От этого занятия его отвлекли вспышки света около задней правой лапы. Ящер изогнулся, пытаясь разглядеть, что происходит. Там толпа крошечных гномов делала групповую фотографию на фоне драконьего хвоста.

– Опять туристы, – скривился дракон.

Но жечь огнем никого не стал: в списках учредителей местного экскурсионного бюро ящер был записан с долей в двадцать процентов. Сразу за сфинксом и циклопом-людоедом.

Разница восприятия

Маленький дикарь Акухо выглядел ужасно расстроенным. Переминался с ноги на ногу, морщил загорелое до черноты лицо, теребил заплетенные в тонкие косички волосы.

– Ну! Как же ты умудрился, дружок?

Шериф огорченно покачал головой. Акухо он знал давно: туземец частенько появлялся в поселке, обменивал шкурки на разную мелочь, подряжался делать несложную работу, был всегда тихим и улыбчивым. А тут вдруг разбил витрину магазина тётушки Ло.

– Очень плохо, Акухо, очень плохо.

Абориген выразительно развел руками. Мол, сам не знаю, как получилось.

– Придется тебя задержать.

– А?

– Посидишь в тюрьме, раз хулиганишь.

Дикарь скорчил такую жалобную мину, что пострадавшая тётушка Ло чуть не заплакала из сострадания. Акухо рухнул на колени, схватил шерифа за штанину и принялся причитывать тонким голоском.

– Не надо в тюрьму, большой вождь! Акухо рано умирать! У Акухо дети, жена, мама, папа, тётя, дядя Умзай, двоюродный дядя Бхко и старенькая бабушка Чуго. Нельзя Акухо умирать! Кто принесет им сочных кореньев? Кто убьёт злого

крокодила, ждущего у берега? Кто обменяет шкуры опоссума на железный нож? О, все погибнут без Акухо! И дети, и жена, и мама, и папа, и тётя, и дядя Умзай, и двоюродный дядя Бхко, и старенькая бабушка Чуго. Не убивай Акухо за разбитую стеклянную стену!

– А ну-ка, прекрати!

Шериф вырвал брюки из пальцев туземца.

– Ничего с тобой не случится. Посидишь недельку, будешь улицы подметать в счет отработки ущерба. Правильно, тётушка Ло?

Женщина жалостливо вздохнула, глядя на дикаря.

– А может, отпустим? Тут делов-то на пару монет всего.

– Нет уж. Закон есть закон. Набезобразничал – отработывай. Иди за мной, Акухо.

Шериф привел еле волочащего ноги аборигена в участок. Камера там имелась всего одна: небольшой закуток с откидной койкой, загороженный стальной решеткой. Обычно она пустовала всю неделю, кроме пятницы, когда там сидел старый Джон после традиционного скандала в баре.

– Заходи.

Акухо, как приговоренный к казни, медленно прошествовал в узилище.

– Вот тебе одеяло, укроешься, если ночью будет холодно.

Шериф выдал дикарю кружку, ложку, стальную миску и полосатую шапочку, которую считал обязательным атрибутом заключенного.

– Ужин тебе вечером принесут. Всё, удачной отсидки, а я пошёл отдыхать.

Дикарь не спеша рассматривал камеру, выданные вещи, койку с колючим одеялом, и в глазах его стояло удивленное выражение.

Всю следующую неделю Акухо честно отбывал срок. Носил полосатую шапочку, ел, что дают. По утрам мел улицы здоровенной метлой, а остальное время лежал на койке и тихонько пел заунывные песни. Выглядел он при этом совершенно довольным и даже счастливым.

– Ну всё, – шериф отпер решетку и жестом приказал аборигену выходить, – надеюсь, это пошло тебе на пользу.

Дикарь вышел из камеры и тяжело вздохнул.

– Уходить? Совсем, да?

– Свободен. Честно отсидел – вышел с чистой совестью. Иди уже к своей родне.

Акухо еще раз вздохнул и поплелся прочь.

На следующий день шериф обнаружил перед участком целую толпу дикарей под предводительством Акухо.

– Это что еще такое?

– Большой вождь! – Акухо выступил вперед и сложил перед собой ладони. – Мы пришли, чтобы ты посадил нас в свою удивительную комнату за железной изгородью.

– Что?

– Мы очень хотим, чтобы ты запер нас в этой удивительной комнате. Мы будем мести улицы, сидеть тихо, только пу-

сти нас в это чудное место.

– Сдурели? Это тюрьма, а не чудное место.

– Нет, нет! Это самое лучшее место, вождь! Там можно укрыться теплым одеялом. Там кормят целых три раза в день. Там на голову не капает дождь, а крокодил не хочет тебя кушать! Посмотри: дети, жена, папа, мама, тётя, дядя Умзай, двоюродный дядя Бхко и старенькая бабушка Чуго – все хотят туда. Вождь, посади нас в волшебную тюрьму!

Все дикари стали кивать, подтверждая слова Акухо. А старая сморщенная старушка радостно угукала и тыкала пальцем на дверь участка.

– А ну, кыш! Тюрьму не для этого придумали!

Целый час шериф пытался прогнать упорных аборигенов. Те ни в какую не хотели понимать, почему их не пускают в этот рай белых людей.

– Вон! Все вон! – кричал разъяренный шериф. – Тюрьма только для преступников! А не для толпы дикарей, решивших отдохнуть. Совершите преступление – тогда посажу. А сейчас вон отсюда!

Туземцы, повесив головы, потянулись из участка. Старенькая бабушка Чуго, поджав губы, покачала головой и тоже засеменила за родней.

Шериф вздохнул и налил себе кофе. Вот же пристающие дикари со странными фантазиями! Тоже мне, племя сидельцев нашлось.

– Вождь!

В участок снова ввалилась толпа дикарей.

– Ну, что еще?

– Вот!

Акухо протянул руку и разжал кулак. На ладони лежал маленький кусочек стекла. Следом блестящие осколки стали показывать дети, жена Акухо, мама, папа, тетя, дядя Умзай и двоюродный дядя Бхко. Последней кусок заново разбитой витрины тётушки Ло продемонстрировала бабушка Чуго. Старушка радостно улыбалась беззубым ртом и хихикала, предвкушая чудесную неделю в раю. Где кормят три раза в день, есть надежная крыша, теплые одеяла и совершенно не водятся крокодилы.

Что?!

Вагон мерно стучал колесами. Люди внутри ели, спали, разговаривали и занимались другими дорожными делами. Сидя на нижней полке, девочка лет десяти что-то писала в цветастом журнале.

– Мама! А что такое «бздель»?

– А? Что?

– Что такое «бздель»?

– Где ты это слышала?

– Да вот тут, в журнале. Тут квадрат с буквами, надо слова из него вытащить. Я все уже вычеркнула, осталось последнее – «бздель». Что это?

Мама неопределенно хмыкнула, бросила короткий взгляд на соседей.

– Даже не знаю, как сказать. Это...

– Деточка, – влезла в разговор женщина в очках, сидевшая на полке напротив, по виду – заслуженный библиотекарь района, – это слово из русского аргю. Означает, что кто-то пукнул.

Девочка заулыбалась, а её мать покраснела.

– Простите, мадам, – отозвался потертого вида мужчина с боковой полки, – вы ошибаетесь. Это слово – когда кто-то очень сильно боится.

– Да что вы знаете! – Из соседнего купе протиснулась ста-

рушка с фиолетовыми волосами. – Не слушай их, девочка. Бздель, это ткань такая, как тюль, только потолще.

– Не путайте ребенка! – С правой верхней полки показалась мужская голова, – бздель – это птица! Очень похожа на свиристель, только со специфическим пением.

– А вот и нет! Это ткань!

– Птица!

– Тихо! – С верхней левой полки спрыгнул парень. – Покажи, где у тебя эта «бздель».

Все с вниманием уставились на парня, водящего пальцем по бумаге.

– Ты ошиблась.

Послышался вздох облегчения.

– Тут по-другому слова. Здесь «ель», а тут «бзик».

Парень победно оглядел соседей по вагону.

– И никакого «бзделя».

– А вот тогда, – девочка дернула его за рукав, – тогда тут слово появляется – «хуцка». Что это значит?

Вагон замер в ожидании версий.

Котики, которые всегда с тобой (нанопроизводственный микророман)

– Ещё открытые вопросы есть?

Собаков обвёл тяжёлым взглядом начальников команд. Мужчины переглядывались и чуть заметно пожимали плечами. На призыв откликнулся только блондин с родинкой на щеке:

– Наверно, нет, Павел Григорьевич. Только небольшой курьёз.

Блондин вытащил из внутреннего кармана пиджака стандартный контейнер для наноботов. Стекланный цилиндрик, стальные блямбы на торцах, синеватая дымка внутри, наклейка на круглом бочку с номером 44001-5. Поставил на стол вертикально и отправил по полированной поверхности в сторону начальства.

– Куклевский учудил. Из некондиции последней партии собрал черт-те что и сбоку бантик.

– Что там? – подался вперед чернявый начальник отдела проектирования.

– Я же говорю, курьёз. Однотипные модули без программируемого канала, но с обратной связью. Я его спрашиваю – зачем? Он отвечает – они на котиков похожи.

Собаков поймал контейнер, повертел в руках и с осуждением посмотрел на блондина.

— Куклевскому — выговор и премию порезать. Если он гений сборки, это не значит, что ерундой маяться можно.

— А может, — откликнулся с дальнего конца стола похожий на майора в гражданском мужчина, — подкинем нашим «партнерам»? Пусть поломают голову.

Собаков скривился.

— Там тоже не дураки сидят. Не надо давать лишнюю возможность пощупать наши возможности. Всё, на сегодня достаточно. Завтра жду ваши отчеты за второй квартал.

Отпустив подчиненных, Павел Григорьевич еще посмотрел документы, бросил в портфель мелочевку со стола и отправился домой. Не сказать, что он туда торопился — пять лет как вдовец, дети живут своими семьями. Но лучше доделать работу на диване, чем в рабочем кабинете. Да и тираниить подчиненных, не позволяющих себе уйти раньше шефа, он не считал нужным.

По дороге остановился у супермаркета. В портфель отправились бутылка молока и банка консервов. Готовить Павел Григорьевич не любил, а рестораны и кафе его раздражали.

Немного потолкавшись в пробках, Собаков, наконец, попал домой. Вытаскивая покупки, он вдруг ощутил холодную липкость на пальцах. Стал шарить по портфелю и с самого дна достал контейнер с номером 44001-5. Видимо, случайно попавший туда с рабочего стола. Стекло треснуло, и остатки

синеватого геля вытекали ему на руку, быстро впитываясь в кожу. Павел Григорьевич пожал плечами. Вреда наноботы не причинят. Ну, подумаешь, котики. Завтра на работе выведем штатными средствами.

Собаков поужинал. Сел в любимое кресло и включил телевизор. Пощелкал десяток каналов и выключил. Было тоскливо и безрадостно. Одиночество встало за спиной и положило тяжелую руку на плечо. Мелькнула мысль, что, возможно, дочь была права, уговаривая его жениться еще раз. Только на ком? Он даже домашнего животного не завел. Собак, несмотря на фамилию, не любил. А на кошек имел аллергию. Хоть аквариум с рыбками стоило поставить. Всё не так было бы одиноко.

Павел Григорьевич лег на диван. За окном шел дождь. По комнате, натыкаясь на мебель, в сумерках бродила грусть. В самом пакостном настроении Собаков закрыл глаза. Но даже спасительный сон не шел к нему.

Поначалу он не понял, что происходит. По телу стало растекаться мягкое тепло. Доброе и ласковое. Словно к животу прижался теплый пушистый комочек.

А затем послышался звук. Станный, давно забытый. Звук из детства. Из такой дали, что не вспомнишь, где слышал. Как скрипучий звук дверцы шкафчика на кухне, за которой мама хранила конфеты и сахар.

Звук усиливался. Становился громче. Мягкий, обволакивающий. Добрый и родной.

Он вдруг понял. Это урчание. Басовитое кошачье урчание. Начинающееся в груди и волнами растекающееся по телу. Доброе и ласковое, затапливающее мысли, прогоняющее грусть и тоску.

Впервые за долгие месяцы он уснул счастливым. А плывущие в его крови наноботы, похожие на котиков, продолжали урчать. Даря своему человеку покой и счастье.

Утром на работе Собаков поразил всех свежим цветущим видом. Глаза начальника управления наносборки горели живым огнем. Походка была легкой и почти летящей, насколько летящей может быть она у пятидесятилетнего человека.

Первым делом Павел Григорьевич вызвал к себе Куклевского.

– Берешь вторую группу малый «клав» и повторяешь своих «котиков». Надо – подключим отдел Петрова. Сделаешь образцы – и по стандартной процедуре. Действуй, гений.

О деньгах Собаков не думал. Его интересовало одно – жизни скольких одиноких людей могут облегчить «котики». Те, что продолжали чуть слышно урчать в груди в такт с биением сердца.

Одинокая марсианка желает познакомиться

– Милочка! – Тётушка Кшысш расстроено пошевелила псевдоподиями. – В твои годы давно надо подумать о замужестве. Выбрать подходящего и...

– Ах, оставьте! – прекрасная марсианка Ылкзым всплеснула щупальцами. – Разве найдёшь сейчас хоть одного достойного марсианина? В кого ни ткни, сплошное огорчение. Субтильные, безответственные, работать не хотят, только и делают, что ругаются о политике, да ещё и туники начали подворачивать. Ужас!

Тётушка Кшысш согласно вздохнула, но сдаваться не собиралась.

– Но ведь есть и другие планеты. Можно присмотреть жениха там. Как тебе, например, юпитериане?

– Тётушка, но ведь они такие гиганты! Да еще их газы...

– А сатурниане?

– Ой, вы, наверное, смеётесь. Мужчины, обвешивающиеся кольцами, это же просто смех.

– А нептунианцы?

– Слишком уж холодны. Такого даже в постели не расшевелишь.

– Может, тогда венерианцы? Эти очень даже горячи.

– Нет, нет, нет! Их ужасная привычка к кислотным ваннам, это непереносимо.

– Плутоняне?

– Так они же карлики. Мне будет стыдно выйти с таким мужем в свет.

Тётушка на мгновение задумалась.

– А как насчёт землян?

– Землян? – прекрасная Ылкзым взмахнула перепонками, – никогда не думала. Они вроде бы ничего... Но такие нелюдими. Сидят на своей планете, ни с кем не знакомятся.

– Они просто скромные. Но их обаяние всё искупает. Помню, у моей бабушки Аэлиты был возлюбленный с Земли. Такой душка!

Ылкзым задумчиво перебирала псевдоподии и тянула коктейль через трубочку.

– Тётушка, но я же не полечу на Землю сама знакомиться. Это будет неприлично.

– Ну что ты, конечно, нет! Мы просто дадим объявление. Это вполне в рамках этикета...

Михалыч задумчиво чесал в затылке. Поле, ещё по-весеннему зелёное, было покрыто гигантскими знаками: круги, вложенные друг в друга, длинные дуги, полумесяцы и прямые линии. Шутник, вытоптавший пшеницу, поработал на славу – всего за ночь, с филигранной точностью на огромной площади.

– Ну, блин!

Мужчина сердито покачал головой. Не знакомый с марсианской письменностью, он был не в силах прочитать романтическое объявление: «Одинокая марсианка желает познакомиться...» А ведь его счастье было так близко!

Коуч

Пробка с громким «чпоком» выскочила из бутылки. Густой дым повалил из горлышка, складываясь в фигуру средних лет мужчины в строгом костюме и чалме.

– Добрый день, о, мой дорогой спаситель! Разреши представиться – я великий джинн Коуч ибн Консультант. И только сегодня, только сейчас, и только для тебя, в честь моего юбилейного трехтысячного освобождения, я исполню одно твоё желание.

Вовка с сомнением посмотрел на джинна.

– Всего одно желание?

Джинн улыбнулся во все тридцать два белоснежных зуба.

– Второе и третье желание ты можешь приобрести с пятидесятипроцентной скидкой, о, бриллиант моей души. Но только если закажешь их сразу после первого.

– Но первое бесплатно?

– О да, великолепнейший из освободителей джиннов.

– Точно? Без подвохов?

– Даже не сомневайся, о, подозрительнейший из умнейших!

Вовка на мгновение задумался.

– Ладно, есть у меня желание. Как раз для джинна. Построй мне дворец.

– О, разумнейший из желающих, я не могу построить дво-

рец.

– Тю... – Вовка разочарованно выпятил губу.

– Но я могу научить тебя...

– Как самому его построить?

– Научить тебя, как мотивировать себя на постройку дворца.

– Ты издеваешься?

– Что ты, что ты, о, ироничнейший из строителей дворцов.

Ведь еще моим досточтимым родителем, великим джинном Консультантом ибн Гербалайф, сказано: построй человеку дворец, и он будет счастлив только день; но мотивируй человека на строительство дворцов, и он....

– Будет впахивать всю жизнь.

Джинн с укоризной посмотрел на Вовку.

– Перебивать невежливо, о, рассудительнейший из умнейших. Так вот, моим родителем сказано...

– Короче! Дворец ты строить не будешь?

– Я могу провести для тебя уникальный тренинг по выбору правильного дворца! В зависимости от климатической зоны, политической обстановки, гороскопа, линий на руке и фаз луны.

– А советов по выбору ипотеки у тебя нет?

– Есть курс лекций по выбору тещи. Способствует скорейшей женитьбе и...

Вовка вздохнул, поднял бутылку и кивком указал на неё джинну. Коуч поправил чалму и полез обратно в сосуд.

– О, великолепнейший из владык над джиннами, – раздался приглушенный крик уже изнутри, – только для тебя есть замечательный трехдневный интенсив по развитию интуиции на правильное вложение в криптовалюту! Мы подробно рассмотрим технологии блокчейна, выберем оптимальную стратегию покупки биткоина и, конечно же...

Не дослушав, Вовка заткнул пробку и, размахнувшись, выбросил бутылку обратно в Москву-реку.

Трудная работа

– Итак, – преподаватель, грузно переваливаясь, прошёлся перед замершими рядами, – сегодня вам предстоит первый раз воспользоваться своими знаниями на практике. В нашей специальности это единственный экзамен. И только от него зависит ваше дальнейшее будущее.

По рядам студентов пронёсся лёгкий шёпот, мгновенно угасший под суровым взглядом профессора.

– Не думайте, что это будет легко. Вы справлялись на тренижёрах, но на реальных объектах поставите на кон свои жизни. Даже опытные специалисты каждый раз рискуют, что же говорить о таких зелёных новичках. Но ваша работа, сохранять ресурсы планеты – бесценна!

Молодёжь вздохнула, одни от страха, другие от набивших оскомину нравоучений.

– Перед началом хочу ещё раз напомнить вам базовые правила. Первое – выбранному объекту надо смотреть в глаза. Гипнотизируйте его! Второе – сначала делайте бросок. Пусть он опешит. В этот момент можно задать вопрос, например «Ты видел цены на продукты?» Это выбьет его из колеи. Затем берите на болевой захват. Не стесняйтесь. Спросите прямо: «Какая-какая у тебя зарплата?» Пусть помучается.

Профессор сделал паузу и выпил немного воды, прочи-

щая горло.

– И вот тогда можно брать в удушающий захват. Ни в коем случае не тяните! Чем раньше начнёте душить, тем лучше. Давите на жалость к себе, угрожайте дошираком на ужин. Любые методы хороши!

Тяжёлый взгляд обвёл ряды слушателей.

– Все ясно? Тогда за дело!

Квакая, молодые жабы спрыгивали с листа кувшинки. Их ждала сложная, опасная работа – душить людей жадностью.

Деньгожор

Всё началось с того, что Макс захотел купить танк. Обычный зелёный виртуальный танк в онлайн-игре. Заядлым игроком он не был, не подумайте. Играл всего по часу в день, после работы. А сегодня вдруг захотел танк: большой, красивый, премиальный. И даже достал бумажник, чтобы пересчитать наличность, оставшуюся до зарплаты.

По коридору слышались мелкие шаги, дверь распахнулась, и в комнату вошел он. Представьте себе зелёный морщинистый колобок. С карикатурными тоненькими ножками и ручками. И с громадной пастью от уха до уха.

– Здоров, чувак!

Колобочище быстро просеменил к Максy и подпрыгнул, заглядывая в экран ноутбука.

– Ага, вижу, вижу. Давай сюда!

– Что давать? – Макс оторопело пытался отодвинуться от кошмарика вместе со стулом.

– Деньги.

– Какие деньги?

– Как это какие? Ты танк хотел купить?

– Да.

– Вот и давай их сюда.

– Зачем?

– Я – твой личный Деньгожор. Всё, что ты соберёшься

потратить впустую, я буду поедать. Понял?

Макс помотал головой.

– Вот дурак. Смотри, на пальцах, – Деньгожор стал загигать кривые зелёные отростки на тщедушных ручках, – ты хочешь купить танк. Это трата бессмысленная. Значит, их должен съесть я. Усёк?

– Нет. С чего вдруг я буду деньги отдавать?

Деньгожор нехорошо улыбнулся и придвинулся поближе к Максy.

– Не хочешь – я тебе ногу откушу, – и продемонстрировал пару сотен острых зубов в четыре ряда.

Злобный ужастик отобрал у Макса бумажник, отсчитал несколько купюр и, громко урча, сожрал.

– На, – кинул ложный колобок кошелек парню на колени, – лишнего не возьму, не бойся.

Макс потряс головой, пытаясь избавиться от наваждения.

– Ну всё, бывай. Зайду, как позовешь.

И кошмарик выкатился из комнаты.

В следующий раз Деньгожор настиг Макса утром возле кофейни. Парень как раз подумывал купить большой стакан кофе перед работой, как почувствовал, что его дёргают за штанину.

– Не ждал?

– Опять ты?

– Не ждал, значит. Давай, – колобочище потер пальцами,

будто пересчитывал купюры, – собирался же на ерунду потратить.

– Кофе не ерунда!

– В офисе растворимый выпьешь, чай не барин.

– На, подавись!

Две бумажки упали в подставленную пасть. Деньгожор пару раз чавкнул и сглотнул.

– И ещё пять рублей.

– За что?

– За пакетик.

Монетки исчезли в бездонном колобочище.

– Подавись, сволочь!

– Было бы с чего. Ладно, некогда мне. За обедом увидимся.

И Деньгожор бодро засеменял прочь.

Следующие месяцы Макс непрерывно страдал. От огромной кучи мелких приятностей приходилось отказываться: всё поедала незваная нечисть. Даже пельмени купить не удалось.

– Сам приготовишь, не маленький, – ворчал зелёный шар, пожирая бумажки.

Деньгожор стал меняться. Рос с каждым днём, пока не увеличился до размера Макса, сыто лоснился, обзавелся шляпой и галстуком.

– Я теперь солидный, на видной работе. Знаешь, как мне

завидуют, что нашёл такого жирного клиента? – пояснял Деньгожор, больно тыкал Макса в бок и громко ржал.

Но хуже всего оказался вечер, когда Макс остановился у витрины салона связи. Прямо напротив выставленного на обозрение новенького телефона «фруктовой» фирмы.

– Гы-гы!

Деньгожор похлопал его по плечу.

– Мне тебя даже жалко, дружок. Эк ты неудачно-то вляпался.

– Я не собирался...

Зелёный укоризненно посмотрел на парня и показал пальцем на карман с деньгами.

– У меня нет столько!

– А на карточке?

– Нет, не дам её сожрать!

– Да и не надо, – Деньгожор силой отнял бумажник у Макса.

Вытащил кредитную карту и провел её между сложенными «уточкой» губами. Старый мобильник в кармане Макса жалобно звякнул, сообщая, что пришла эсэмэска из банка.

– Вот и всё. Ох, спасибо! Королевский ужин! Ну-ну, не расстраивайся. Пойдем, домой провожу. Раз такое дело, можешь себе пельменей купить, разрешаю.

Получив в очередной раз зарплату, Макс сразу снял её в банкомате и с задумчивым видом пришел домой. Деньгожор,

развалившийся по-хозяйски на диване, радостно осклабил-ся.

– Это правильно. Сразу мне всё отдай и гуляй себе спокойно весь месяц. Одобряю!

Макс, не обращая внимания на колобочище, вытащил десяток конвертов.

– Эй! Ты что делаешь?

– Это на еду, – парень надписал первый конверт и положил внутрь несколько купюр.

Деньгожор с тревогой наблюдал за действием.

– Это на проезд, это на коммуналку, это на новые ботинки...

Денежная стопка неумолимо уменьшалась.

– Алё! Ты что творишь-то?

Макс поднял взгляд на растревоженного колобочища.

– Бюджет составляю. Финансовая дисциплина – наше всё!

Деньгожор чуть не задохнулся от возмущения.

– А это, – парень потряс перед носом зелёного монстра оставшимися деньгами, – я отложу. Понял, гад?

Несчастный колобочище сник, не в силах возразить.

Через два месяца Деньгожор усох до размера мячика для пинг-понга.

– Я так совсем исчезну! – тоненько пищал монстрик.

– Ничего, кофе по утрам я всё ещё люблю.

Макс посадил зелёный комочек в карман.

– Ты мне пригодишься. Для контроля.

– А давай ты хоть мороженое захочешь, а? – бедный Деньгожор умоляюще сложил ручки. – А я тебе кое-что покажу. Интересное!

– Ладно, – Макс сунул в карман купюру.

Деньгожор, пища, как мыш, захрустел бумажкой.

– Так что ты мне показать хотел?

– На балкон выйди.

– Ну, что тут? – Макс недовольно поёжился от холодного осеннего ветра.

– Вон, смотри!

В синеватой дымке на горизонте высилась колоссальная круглая фигура. Настолько огромная, что за лысую зелёную макушку цеплялись облака. Чудовищная пасть непрерывно чавкала и рыгала.

– Это что?

– Деньгожорище Миллиардович. Мой старший брат.

– Чей он? – Макс от ужаса пошатнулся и схватился за перила.

– Государственный, – тоненько пискнуло из кармана, – бюджет кушает.

– Кушает? Да он жрёт в три горла!

Зелёная мелочь захихикала.

– Ну, ничего, – Макс с решимостью посмотрел на великана, – и с ним разберёмся. Не боги горшки обжигают. Говорят, выборы скоро...

Деньгожор-младший сдавленно пискнул: после позорного поражения в Макса он верил больше, чем в старшего братца.

Дежурные добра

– Дежурный, на выход!

– Иду...

– Дежурный, бегом! У нас срочный вызов.

Делать нечего, накидывая на ходу куртку, бегу к выходу.

На стоянке уже рычит в нетерпении транспорт. Прыгаю на своё сиденье, и водитель Кузьмич рвёт с места. Мы, завывая сиреной, летим, обгоняя пробки. Поворот, два квартала по прямой, перекрёсток, ещё квартал, сворачиваем во двор девятиэтажки. Ух, ироды, машин понаставили, припарковаться негде! Кузьмич, презрев правила, ставит нашего «скакуна» прямо на газон.

Лифт не работает. Пыхтя, забираюсь на седьмой этаж. Да, физподготовку надо подтянуть. Но это я себе каждый раз говорю и постоянно забываю делать зарядку. Ага, вот и наша квартира.

Дверь открыта. На кухне коллеги из неотложки колдуют над грузной женщиной. Бедняга лежит на диване с бледным лицом, похожая на некрасивую фарфоровую куклу. Врач, заметив меня, чуть заметно кивает и тут же отворачивается к пациентке. Пусть, у него сейчас есть дела поважнее.

– Няня... – доносится до меня, – свалилась с приступом... мать на работе... уже сообщили, едет...

Оглядываюсь в поисках своего «клиента». Ага, вот он, за-

бился в угол. Глаза на мокром месте, но держится. Подхожу, опускаюсь на корточки напротив. Он замечает меня, недоверчиво смотрит, шмыгая носом.

– Привет, – говорю я ему, – пойдем с кухни, не будем мешать врачам.

Мальчишка дает себя уговорить, и я увожу его в детскую. Там на обоях под пальмами скачут мыши, цыплята и утята. Всегда хотел знать – что употребляют дизайнеры таких художеств?

– А вы кто? – Мальчик смотрит на меня, гораздо серьезнее своих пяти лет.

– Мы – срочная помощь оставшимся в одиночестве, – гордо говорю я и поправляю цилиндр на голове.

Он не верит мне, с подозрением осматривая мой цветастый костюм.

– Иди сюда, – я подхожу к окну и показываю вниз, – вон мой транспорт.

Малыш все так же недоверчиво залезает на стул, ложится грудью на подоконник и смотрит через стекло на площадку перед домом. И открывает рот от удивления. Есть от чего.

Наш ездовой кот Мумрик размером с троллейбус. И такой же неповоротливый. Спасает только наличие крыльев и послушный нрав. А сейчас этот лентяй развалился на травке и Кузьмич расческой размером с грабли вычесывает ему пузо.

– Ух ты! Вы на нем приехали?

– Прилетели.

– Он ещё и летает?

Следующий час я развлекаю его историями про Мумрика. Вполуха слышу, как на носилках врачи неотложки выносят несчастную няню моего подопечного. Потом мы играем с ним в машинки, солдатиков и лошадку. Про себя сочувствую Мумрику, хотя я так не подпрыгиваю в седле и не дёргаю его за гриву.

А потом прибегает с работы мать малыша с перепуганным лицом. Становлюсь невидимым и проскальзываю к входной двери. Моя работа закончена.

Не спеша спускаюсь по лестнице. Тремя пролётами ниже, на лестничной площадке курит, оперевшись спиной о стену, серая личность, похожая на мумию – Ужас-И-Страх, не успевший на вызов. Хотя правильной будет сказать – проигравший гонку нашему Мумрику. Мы не здороваемся. Он презрительно дымит в мою сторону, а я показываю ему фигу.

Выхожу на улицу. Уже темнеет и глаза Мумрика светятся ближним светом. Кузьмич наливает мне кофе из термоса.

– На базу?

– У нас ещё вызов, – Кузьмич заглядывает в планшет, – старушка осталась одна. Родня разъехалась по делам, а у неё сегодня день рождения.

– Нужен торт, – я осматриваю служебный чемоданчик в поисках реквизита, – смокинг и маленький рояль...

Мы летим над улицами, залитыми ярким светом. И я чувствую, что ночь будет длинной, со многими вызовами. На-

ша маленькая команда сделает всё, чтобы не дать никому остаться в одиночестве наедине с тоской и страхом. Хотя нас до смешного мало, у нас есть тысячи помощников. Людей с добрым сердцем, не оставляющих близких и дальних в беде. Я знаю – они рядом, словно маленькая армия, плечом к плечу со мной, Кузьмичом и Мумриком. И оттого мы летим ещё быстрее. А Ужас-И-Страх идёт в одиночестве пешком, и у него нет шансов.

За жизнь

– Что вы тут делаете?

Влад вышел из кухни и застыл в удивлении: у входной двери надевала туфельки незнакомка. Услышав вопрос, девушка презрительно посмотрела на него и фыркнула.

– Не видишь? Ухожу от тебя.

– Уходишь?! От меня? Да кто ты вообще такая?

Девушка строго и с обидой посмотрела на Влада.

– Он еще спрашивает!

– Да, спрашиваю. Взялась непонятно откуда...

– Я – твоя жизнь. Теперь ясно? И я от тебя ухожу.

Влад рассмеялся.

– Ерунда какая-то.

В глазах девушки появилась злость. Она вытянула руку в его сторону и сделала жест, словно дернула веревочку. У Влада потемнело перед глазами, ноги стали подкашиваться. Он судорожно схватился за стенку, чтобы не упасть.

– Понял теперь? Или еще доказательства требуются?

– Ох!

Жизнь наклонилась застегнуть пряжку на правой туфельке. Чуть стоптанной и давно не чищенной.

– погоди. Как это уходишь? Почему?

Девушка выпрямилась и посмотрела Влада в глаза.

– А кто на меня жалуется всё время? А? Кто ноет посто-

янно: всё у него в жизни не так, жизнь скучная, ерунда, а не жизнь?

– Подожди! Я ведь так, не подумав...

– Всё, поздно. Не нравлюсь – можешь найти себе другую. Арриведерчи! Как ты там вчера говорил – «такую жизнь поменял бы не глядя». Вот, делай что хочешь теперь.

– Так как же, погоди. Я не хотел тебя обидеть! Вот честно-честно.

– Не хотел, а сделал. Надоело мне. Кто меня живет? Ты! А сам жалуешься на меня. Это не я скучная, это ты меня скучно живешь. Хотел на море поехать? Так тебе лень. Мог на работу получше устроиться? Опять лень. Девушку себе найти не можешь – опять я виновата. А знакомишься, между прочим, с ними – ты, а не я.

– Прости, пожалуйста. Я исправлюсь! Слово даю.

– Слово, – передразнила его Жизнь, – кто десять раз уже обещал курить бросить?

– Я брошу.

– Угу, бабушке свой Расскажи.

Влад оторвался от стены и сделал три быстрых шага к своей Жизни. На последнем не удержался и упал на колени. Обнял Жизнь за талию и прижал к себе.

– Не отпущу! Никуда от меня ты не уйдешь. Моя!

Она попыталась отпихнуть его, но он только держал сильней. Целовал ей руки и шептал что-то нежное. Наконец, она сдалась, прекратила сопротивляться и погладила его по

взъерошенной голове.

– Ладно. Дам тебе последний шанс.

На следующий день Влад написал на работе заявление об уходе. Начальник пытался его уговорить остаться...

– Нет. Жизнь у меня одна, а тут я её только гроблю.

Влад покосился через плечо.

– И чем собираешься заняться?

– Устрою себе отпуск. На море съезжу. А там посмотрим. Буду думать: Жизнь надо прожить так, чтобы ей не было обидно за себя.

Начальник только покачал головой. У него за спиной, невидимые, стояли его Жизнь, скованная наручниками, с синяком под глазом, и зло ухмыляющаяся Ипотека с дубинкой наперевес. (Но это уже совсем другая история: боевик с заложницей, брутальным героем и счастливым концом).

Бука и Бяка. Сказка про левый носочек

Сегодня Бяка был занят и Буке пришлось идти одной. И хотя в одиночку ужасно страшно, но откладывать важное дело было никак нельзя. Ведь завтра наступит суббота и все труды пойдут прахом. Нет, надо было обязательно идти!

Долго поплутав по тайным тропинкам, Бука вынырнула в знакомом шкафу. Сверху, как темные кучевые облака, нависали рубашки, а под лапками привычно пружинили скомканные джинсы. Бесшумно пробежав по полке, Бука осторожно толкнула дверцу. Только бы не скрипнула! Только бы не скрипнула! Дверь ехидно подмигнула замочной скважиной и противно взвизгнула.

Бука, настороженно прислушиваясь, замерла на месте, готовая в любой момент броситься обратно в глубину шкафа. Можно быть безумно смелой в компании с весельчаком Бякой, тысячи раз шебуршить в шкафах, но если сейчас Он увидит её... Нет, лучше даже не представлять такие ужасы.

Выждав пару минут, Бука выглянула из шкафа, крепко придерживая противную дверцу. Фух! В комнате было пусто. Только из-под входной двери тянулась полоска света.

Быстро-быстро перебирая лапками, Бука выпрыгнула из шкафа и помчалась через комнату. Звонко стуча коготками,

пробежала под столом, заскочила за диван, тремя длинными прыжками пронеслась мимо книжной полки и нырнула под кровать.

Отдышавшись, Бука осмотрелась. Впереди, окутанное су-мерками, тянулось подкроватное поле. В начале недели Бука и Бяка засеяли его мелкими соринками. А теперь оно все было покрыто мягким ковром пушистой пыли. Красота! Как жаль, что люди этого не понимают и из вредности устраивают кошмарные Генеральные Уборки.

Так сильно хотелось упасть на пол и кататься в этой чудесной пыли. Но Бука удержала себя: времени мало, сначала надо собрать урожай. Из кармашка на поясе она достала здоровенный мешок и, закинув его на плечо, пошла вперед.

Напевая под нос веселую песенку, Бука вприпрыжку скакала по полю, оглядывала каждый холмик пыли и оставляла крохотные отпечатки шерстяных лапок.

В самой глубине, у стенки, она вдруг увидела... Носочек! Замечательный, вкусный носочек, синий с белыми горошинами. Ура, удача! Вот Бяка обрадуется. Сейчас она отнесет его домой, а потом утром они его...

Ой, ужас! Это был правый носок. Жесткий, горький правый носок. Совершенно несъедобный. От обиды Бука чуть не расплакалась. Ну как же так, найти носочек, понадеяться и обнаружить, что носок правый. Это ведь несправедливо! Расстроенная, она побрела дальше. Петь песенку и прыгать больше не хотелось. Было ужасно обидно, досадно и очень

грустно.

Обойдя все подкроватное поле, Бука больше ничего не нашла. Только маленькую цветную бусину и черную пуговицу с тремя дырочками. Они немного подняли ей настроение, но разве это добыча?

Около края кровати, где угол одеяла сполз почти до пола, ей почудился маленький комочек. Может, это скомканная бумажка? Вот бы это оказалась записочка! Бука, конечно, не умела читать, но сам запах слов был чудесен! А если её написал ребенок, записка была на вкус как персиковая карамелька.

Но это опять лежал носочек. Бука обошла его несколько раз по кругу, потыкала лапкой. И, взяв за края, развернула.

– Юхуууу! – тоненько запищала Бука.

Это был левый носочек! Левый! Замечательный, вкуснейший, чудесный и волшебный левый носочек. Ах, это была такая большая радость, что Бука принялась подпрыгивать вокруг него и весело пищать, размахивая метелкой хвоста.

Где-то вдалеке послышался шум. Перестав прыгать, Бука раскрыла мешок и принялась сосредоточенно запихивать в него носочек. Звуки становились все ближе, и Бука все быстрее пихала носок. Мешок раздулся, став похожим на бегемота. Наконец, мешок проглотил добычу и веревочка туго завязала горловину. А мгновением спустя дверь в комнату открылась, и яркий свет залил комнату.

Подхватив мешок, Бука быстро забила в самый дальний

и темный угол под кроватью. Не успела! Тяжело дыша, она на всякий случай спряталась за мешком.

Кто-то вошел в комнату. О чем-то говорили голоса: женский и детский. Бука успела задремать, пока все стихло и на кровати кто-то сонно засопел.

Подождав пока все стихнет и еще немного, Бука взвалила мешок на плечо и на цыпочках пошла в сторону шкафа. Около края кровати на минуту остановилась, оглядываясь и проверяя, что все тихо. А затем так же тихо и осторожно пошла через комнату.

Когда она уже была почти около шкафа, под одеялом заворочались. Бука замерла. На кровати приподнялся мальчик. Сонными и немного удивленными глазами он посмотрел на Буку.

– Ты кто?

Бука приложила палец к губам.

– Тшшш! Я тебе снюсь. Ложись, я буду сниться тебе дальше.

– А... хорошо.

Малыш послушно лег обратно и засопел, снова уснув.

Бука огромными прыжками бросилась к шкафу. Раз, и она нырнула за дверцу. Два, мягкие лапки прошуршали, унося её вглубь полки. Три! Бука уже бежит по темным путям к Бяке. В уютное гнездо за древним комодом в старом домике, где живет веселая старушка. Утром к ним придет в гости Бабайка, а они угостят его носочком. Но об этом – в следу-

ющий раз.

Код Барашкина

Евгений Барашкин ужас как хотел вступить в тайное общество. Все эти ужасные мистерии, загадочные ритуалы, незримая власть над миром будоражили его. Манили и не давали спокойно жить. Из всевозможных тайных клубов, обществ, организаций и кружков Евгений особенно выделял масонов. О, их белый фартук, циркуль и наугольник снились Жене каждый день. Вот если бы и ему... Но хитрые масоны не спешили взять в свои ряды Барашкина. О чем потом будут несомненно жалеть, считал Барашкин.

Долго промучившись в ожидании связного масонов, совы из Хогвартса или случайно встреченного секретного агента, Евгений решил действовать самостоятельно. Если с ним до сих пор не вышли на связь, значит единственная причина – они просто не знают, что на свете есть такой замечательный он.

Первой жертвой в попытках найти масонов стал старый еврей-парикмахер. Уж больно тот выглядел солидно, со значительной хитрецей в глазах, да к тому же над зеркалом у него висел постер с шестиугольной звездой. Женя принялся регулярно ходить к нему стричься. И при этом таинственно подмигивал, корчил многозначительные рожи и делал пальцами «тайные знаки», найденные в интернете.

– Молодой человек, – в очередной раз не выдержал ста-

рик, – вы таки что-то имеете мне сказать, я вижу.

Женя длинно и путано принялся рассказывать про желание вступить в масонскую ложу и надежду на Абрама Моисеевича, как явного человека, имеющего отношение к этой организации.

– Ах, дорогой мой! – Парикмахер облегченно вздохнул. – А я уж думал, вы пришли просить руки моей Элочки. Нет, я вас огорчу – эти ваши масоны не имеют со мной никакого дела.

Видя искреннее огорчение Жени, старик посоветовал обратить внимание на местную знаменитость, литератора Карамзинкина-Лошадникова. Вот уж кто должен быть вхож в масонские ложи. Или, на худой конец, знать, кто туда ходит.

Писатель оказался крепким орешком. Привычный скрываться от поклонников, Карамзинкин-Лошадников путал следы, уворачивался от встреч, скрывался в подворотнях и всячески избегал Барашкина. Но и Евгений набирался опыта. Устраивал засады; караулил в магазинах и барах, где бывал Карамзинкин; приходил на автограф-сессии, садился в первый ряд и многозначительно подмигивал.

После пары месяцев изнурительной осады у литератора не выдержали нервы.

– Что, что вам надо? – кричал он, повстречав Барашкина в подворотне. – Автограф? Давайте книгу, я подпишу. Или вы журналист? Берите своё интервью, и оставьте меня в покое!

Выслушав Евгения, литератор задумчиво оглядел его,

взял под локоть и повёл к себе. Напоил чаем и долго расспрашивал.

– Я напишу на основе вашей истории новый роман. Да! Просто замечательная история. Не возражаете? Но даже если вы против, я всё равно напишу о вас, только изменю имя. Будете, например, Лембдоном. Профессором теологии.

Женя не возражал. Но потребовал платы.

– Масоны? Да где же я вам их возьму? Хотя подождите.

Карамзинкин достал с полки коробку и долго перебирал бумаги.

– Держите.

Писатель отдал Барашкину потёртую визитку на имя Аристарха Махкамовича Малдера.

– Если кто и знает, как их найти, то он.

Телефона на серой картонке указано не было, только адрес в соседнем городе. Пришлось подкопить денег, дожидаться отпуска и долго трястись в плацкартном вагоне.

И вот, наконец, Барашкин оказался у вождленного дома. Где обнаружился частный музей какой-то ерунды. При входе за конторкой дремал усатый мужчина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.